

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, существует целый комплекс причин, которые заставляют формировать структуры финансовой экономики. Но в нем можно выделить отдельный блок причин, связанных с денежной экономикой. Если перевести наши рассуждения в практическую плоскость, то можно сказать, что ядром финансовой экономики является рынок стратегических программных инвестиций с участием крупного капитала, государства и регионов. Что же касается денежной экономики, то здесь ядро лежит в сфере финансово-денежных массовых рынков. Сформировать совокупность механизмов денежной экономики - значит создать механизмы адекватной ей объектно-субъектной симметрии, или сложный системный объект государственного регулирования на принципах адаптации государства к рынку. Достаточно ли этой задачи для рыночной трансформации? Нет, далеко нет. Все компоненты денежной экономики, включая бюджетно-денежную систему, определяют пучок векторов развития к временной равновесной структуре - аттрактору. Государство при этом учится приспосабливаться к рынку, готовится вступить в режим внутренней конвергенции с крупным финансовым капиталом. В условиях денежной экономики чрезвычайно сильны тенденции к утверждению нелиберальной глобальной модели, вполне совмещаемой с урезанной, авторитарной демократией.

Российский рынок должен быть ориентирован на конечную цель - финансовую экономику и адекватную ей субъектно-объектную симметрию. Необходимо постоянно проводить разграничительную линию между финансовой и денежной экономикой. Если фокусом образования финансовой экономики является рынок капитала, или рынок крупных программных инвестиций с участием капитала, центра и регионов, то становление системы финансово-денежных рынков фокусируется вокруг бюджетно-денежной системы страны. Тогда создание рынка прямых инвес-

тий оказывается ограниченным в той степени, в какой в денежной экономике получает ограничение процесс концентрации капиталов. Соответственно затруднено вовлечение целостной кооперации крупного капитала, регионов и государства. Рынок стратегических инвестиций становится функцией интенсификации процесса включения России в глобализацию. Данное обстоятельство ставит Россию в нежелательную зависимость от мирового капитала.

Можно отметить факторы, которые препятствуют или даже блокируют становление финансовой экономики и свойственной ей структуры субъектно-объектной симметрии.

Во-первых, российская экономика (БЭ II) мало продвинута в развитии механизмов внутренней конвергенции и принципов государственного управления на основе взаимодействия (субъект - субъект).

Во-вторых, социально-политический уклон государства в сторону авторитаризма и унитарного устройства страны поддерживается значительной частью общества. По крайней мере, активного противодействия этому не заметно.

В-третьих, весьма замедленно идет трансформация банковской системы. Замедленность эта имеет свои причины: монополия Центробанка, примат бюджетно-денежной системы по отношению к сфере денежно-финансовых рынков, отсутствие самостоятельного блока инвестиционных банков, а также выделенного в самостоятельный институт - разумеется, внутри целостной системы банков - регионального коммерческого банка.

В-четвертых, страх государства и общества перед явлением рыночной экспансии, которая присуща экономической синергетике. Такую экспансию нередко смешивают с линейной денежной эмиссией и инфляцией.

Объединение объектно-субъектной и субъектно-объектной симметрии - прямой результат циклического взаимодействия денежного и финансового капитала. Именно это взаимодействие дает в итоге становление синергетической схемы экономики (ССЭ).

Переход от денежной экономики к финансовому капиталу подчиняется бифуркационной внутренней логике преобразования бюджетной экономики II. Здесь есть свои отличия от бюджетной экономики I, которые не будем отмечать, поскольку речь идет о российских реформах. Нельзя утверждать, что объектно-субъектная симметрия (ОСС) с помощью трансформационного алгоритма замещается системой субъектно-объектной симметрии (СОС), базисом которой является финансовый капитал. Нет

отказа от ОСС в пользу СОС. Более того, инверсия ОСС в СОС как установление приоритета финансового капитала представляет собой только первый шаг к установлению финансовой экономики и ее синергетической схемы. На первом шаге инверсии происходит расширение сферы рынка. Состав рыночных институтов становится богаче, В рамках этого расширения и осуществляется смена акцентов: на место приоритета денежного капитала встает приоритет финансового капитала. Соответственно происходит совершенствование банковской системы, которая становится еще более независимой от государства и более способной формировать собственную рыночную стратегию. Смена приоритетов получает завершение в создании циклической иерархии рынков внутри большого кондратьевского цикла, обогащенного моделью Кейнса.

Вместе с тем, ССЭ имеет дополнительную сложность, зависящую не только от циклической иерархии рынков, но и от пульсации экономики от ее узкого объекта к широкому, охватывающему связи экономики с ее социально-политическим и, шире, историческим цивилизационным контекстом. Пульсация экономической синергетической системы связана с вливанием в экономику дополнительной социальной энергии. Эта энергия порождается трансформацией общества из классового в либеральное и классового сознания в либеральное. Либеральное сознание нуждается в постоянном "трудовом экспериментировании" именно как индивидуализированное массовое сознание. Экспериментальным полем служит информационный рынок. Информационно-поисковый характер труда создает высокий социальный тонус. Он более высок, чем в классовом обществе.

Однако информационное, поисковое содержание труда было бы недостаточным для поддержания высокого фонового уровня социальной энергетики. Есть еще один момент, о котором мало говорилось в книге. Наше внимание было сконцентрировано на таких феноменах либерального общества, как социальная цивилизационная инфраструктура, целостная система статусов индивида (этнический, социальный, духовный), массовый субъект общественного сознания, причем механизмы общественного сознания и экономики наложены друг на друга, что и обуславливает последовательное развитие информационной экономики. Но мы мало обращали внимания на то, как устроен персонифицированный структурный уровень рынка. Речь идет о начальной форме коллективности, которая играет роль первичной диссипативной структуры, обеспечивающей упорядочение энтропийного разрушения общества.

Это - проблема социального (социологического) модуля общества. Таким была когда-то церковь (церковный приход), затем фабрика. Постиндустриальное общество создает свой социальный модуль. Это - спортивный стадион или эстрада. Такая модульная ячейка превращает общество (или персонифицированную структуру рынка в рамках ССЭ) в карнавальную среду. О современном обществе принято говорить в терминах противостояния элитарной и массовой культур. Можно ли и нужно ли оправдывать присущее массовой культуре понижение общего уровня массовой образованности и массовых духовных потребностей? О чем речь - о новом качестве либерального общества, утратившего классовую природу и классовые стимулы повышения и поддержания высокого профессионализма? А может быть, мы сталкиваемся с проблемами перехода? Видимо, здесь присутствуют обе указанные стороны формирования либерального социального модуля.

Прежде всего срабатывает начальная идеология рыночной трансформации с ее упрощенным выбором: или рынок, или тоталитаризм. Эта идеология просто выплескивает в идейный фонд современного общества ложное классовое видение. Почти общепринятым стало выделение следующих осколочных "классов": политического, административного, рабочего, бизнес класса, интеллигенции. Концептуальная разработка классовой структуры переходного периода отсутствует, да ее и не может быть, поскольку такая структура предполагает приватизацию основных факторов производства, а не вычленение достаточно проявивших себя групп общества. Уже Кейнс пользовался для обозначения классов внутри макроэкономики терминами "денежный собственник", "субъект дохода". В настоящее время серьезные финансовые исследования делят субъектов рынка на типы инвесторов (прямые, портфельные и т.п.), эмитентов (банки, корпорации, индивиды и т.п.). В микроэкономике по-прежнему остается актуальным вычленение видов собственности реального капитала, труда, недвижимости и т.п. Таким образом, переход от микроэкономики к макроэкономике не изменил факторного принципа выделения классов, он его лишь усложнил.

Либерализация общества дополняет традиционные классовые структуры новыми, *надклассовыми* структурами. Мы уже отмечали либеральные структурные уровни рынка в рамках ССЭ - персонифицированный (на микроуровне), информационный (на макроуровне), цивилизационный (на границе экономики и ее внешней социальной среды). Перегруппировка общества, тем более когда создается надклассовая структура, неизбежно ведет к двум вещам. Во-первых, ослабевают роль классовой орга-

низации и классовой дисциплины, они уходят в свою новую, более скромную нишу. Таковой является экономика в узком смысле (1 и 3 квадранты ССЭ). Во-вторых, создается новый первичный социальный модуль. Если при капитализме таким модулем была фабрика, то при социализме была создана система, в которой границы фабрики совпадали с границами общества в целом. Был создан монолит общества-модуля. Прежде чем обозначить основные черты модуля либерального общества, отметим неизбежные первоначальные потери, которые несет общество в связи с ослаблением старых системных связей, поддерживавших до недавнего времени социальную энергетику.

Стало общим местом говорить о массовой культуре как о причине понижения уровня образования населения, особенно молодого, потери уважения к языку, общего спада жизненных сил и даже депрессии, сопровождаемой падением нравственности. В определенной мере в этом "виноват" отказ общества от социализма и его пролетарской культуры, которая канонизировала только часть классики и только ее признавала. Отвергнув пролетарскую культуру, общество отвергло и ее каноны. Более того, пролетарская культура была насквозь пропитана коммунистической идеологией. Поэтому, отвергнув пролетарскую культуру, общество отбросило и идеологию. В итоге общественная система наполнилась хаосом, ее структуры приобрели центробежный характер. И еще одно. Если общество, несмотря на социальный хаос, пытается вживляться в среду, ту, которая есть, не подменяя ее новой, посткоммунистической утопией (это - тоже элемент отрицания социализма с его утопическим мировоззрением), то оно создает карнавальную среду. О чем речь?

Так мы определяем первичную диссипацию, или преодоление хаоса, который ради упорядочения получает не жесткость гражданской войны, а спокойный, позитивный переход к участию в общественном труде, в рынке, тягу к профессиональному и общему образованию, настроенность на культурное общение (театр, доступная литература, музыка и т.п.).

Все эти плюсы укоренены в *карнавальном типе общественно-коллективизма*. Этот тип коллективизма характеризуется массовостью, гипертрофированным весельем, стиранием границ между самостоятельным и профессиональным творчеством, маскарадной сменой ролей и масок, дискретностью времени (всякий раз - здесь и сейчас), полным слиянием кумира (на сцене) и толпы, необыкновенной легкостью общения (зал или стадион мобилей, в нем отсутствует дистанция между самыми разными людьми), потоком адреналина.

Из сказанного вытекает следующая формула социального первичного модуля, или формула первичного, низового единства процессов энтропийного разрушения и диссипативного восстановления:

- Карнавал как массовое самодеятельное деидеологизированное общение.
- Целевая установка в виде цели-образа (кумир).
- Наличие (создание) конкретного пространства, в котором цель-образ может быть опознан массовым сознанием и реализован,
- Существование особого рода границы модульного пространства - между внутренним пространством и внешней средой,
- Постоянное упрощение внутренних взаимодействий и структур социального модуля, охраняющее свойство первичной низовой диссипации на уровне фоновой социальной энтропии.

Если сброс энтропии в будущее (выбор участниками модуля минимизации энтропии) будет увеличиваться, произойдет усиление в будущем неопределенности и может повыситься неустойчивость общества в сумме всех его структур. Если сброс энтропии в будущее станет уменьшаться (выбор участниками модуля максимизации энтропии), возникнет угроза хаоса в текущей экономической ситуации и тем самым угроза нарушения БКЦ. В обоих случаях это - риски стратегического уровня.

Из сказанного следует, что "стадион" должен лежать в основе любого процесса структуризации или институционализации экономики. Только при этом возможен, а, может быть, даже просто неизбежен успех. Например, ликвидация бедности с помощью расширения площади рынка свободной конкуренции обречена на провал, если в регионах и на уровне местного самоуправления не будут созданы модульные очаги формирования рынка. Стране, видимо, нужны не столько партии, сколько движения с конструктивными идеями и харизматическими лидерами. Не менее важно опираться на молодежь, ведь только она способна трансформировать трудности быта в карнавал. И еще: нельзя допускать заорганизованности начинаний. Карнавальный модуль предполагает дискретное пространство (разные очаги, местности и т.п.). Нельзя также забывать о необходимости не только своего пространства действия, но и границе между внутренними процессами и внешней средой. Само собой, это понятие выходит за рамки географии и топографии, соотношения рынка ж администрации и т.п. Его смыслы многогранны и синергетичны. Здесь требуется дополнительная концептуальная проработка.

Или еще пример. В карнавальном обществе должна быть система (по крайней мере, множество) лидеров. Так, очень опасна для России расправа, пусть даже праведная, с крупным капиталом как социальным лидером. Государство должно научиться сотрудничать с крупным капиталом на принципах взаимодействия, развивая механизмы внутренней конвергенции между государством как главой социально-политической вертикали (производящей СТП общества) и крупным финансовым капиталом как основанием чисто рыночной вертикали (ЕДИС страны).

Последовательному становлению денежной экономики (оборота денежного капитала и адекватной ему макроструктуры) препятствуют белые пятна на карте исторического развития российского рынка. Нет рынков интегрированных производственных факторов - земли, капитала и труда. Вез них невозможно включить в оборот денежного капитала национальное богатство, а значит, и развить оборот собственности на рынках пассивных операций. Это обстоятельство резко ограничивает формирование стратегических вариантов экономического роста и их свободный выбор.

Кроме того, наша экономика не прошла этапа установления мобильного оборота инвестиций, способного концентрировать инвестиции и осуществлять их распределение в отрыве от оборота основного капитала в каждом отдельно взятом производственном звене. Если отсутствует свобода выбора в сфере накопления капитала, то отсутствует свобода выбора приоритета либо банковской системы, либо фондовых рынков в развитии финансово-денежной сферы экономики.

Если инвестиционные обороты обуславливаются оборотами авансированного в предприятиях основного капитала, то в самих инвестициях преобладают собственные средства предприятий, дополняемые кредитными ресурсами. В этом случае банк и в целом бюджетно-денежная система государства выступает в роли регулятора инвестиционной сферы и субъекта образования фондовых рынков. Если же сложился самостоятельный оборот инвестиций как структурный феномен макроэкономики, помимо оборота основного капитала предприятий, то основным механизмом финансирования инвестиций становится фондовый рынок (точнее, система фондовых рынков). Развитие банковской системы включено в этот процесс и обусловлено им, что выражается в образовании инвестиционного банка в качестве особой подсистемы внутри системы банков в целом. В этом случае можно говорить о трехуровневой банковской системе (Коммерческий Региональ-

ный Банк, Центральный Валютно-финансовый Банк, Инвестиционный Банк), а значит, и о принципиальной автономии указанного выше системного банка (Большого Банка в терминах Х. Мински) по отношению к Правительству и бюджетно-денежной сфере (Большому Правительству, по Мински).

Сложность российской ситуации вот в чем. В финансировании инвестиций преобладают собственные средства предприятий притом, что одновременно создается автономный от капитала предприятий оборот инвестиций крупного финансового капитала. Российский рынок поставлен в позу буриданова осла: преобладание собственных средств толкает рынок к приоритету Банка, тогда как параллельный инвестиционный оборот крупного финансового капитала, обладающий значительно более высоким стратегическим потенциалом, в отличие от собственных финансовых ресурсов предприятий для модернизации своего основного капитала, навязывает экономике приоритет фондовых рынков. В свое время РСПП предложил идею Инвестиционного банка, но ЦБ и правительство ее не поддержали. Тогда крупный финансовый капитал пошел по другому пути.

"...[М]ногие банки постепенно перешли как бы в услужение к крупным промышленным олигархическим структурам. Их средства уже не позволяют в достаточной мере финансировать экономическое развитие, и оно более чем наполовину (а с учетом госсредств - на 70%) финансируется самими промышленными группами"²⁰⁶. И далее: "... крупные финансовые потоки в народном хозяйстве идут мимо банков и аккумулируются в золотовалютных резервах Центрального банка, в профиците госбюджета, в государственных бюджетных и внебюджетных фондах, в крупных корпорациях"²⁰⁷. Автор, таким образом, подчеркивает ограниченность регулирующих функций банковской системы. По его мнению, поскольку в России нет крупных инвесторов и развитого фондового рынка, роль банков в кредитовании инвестиций и финансировании производства "должна быть неизмеримо выше, чем в развитых рыночных странах". Нам трудно согласиться с аргументами в пользу совершенствования банковской системы вместо фондовых рынков в качестве их компенсации.

Роль банков, как это сказано выше, должна быть усилена путем образования трехуровневой банковской системы. Напомним, речь идет о создании макрокооперации банков - Инвестиционно-

---

²⁰⁶ Аганбегян А.Г.. Социально-экономическое развитие России. М.; Дело. 2003. С 145.

²⁰⁷ Там же. С. 147.

го, Валютно-финансового, Регионального. Специализация Инвестиционного банка состоит в монетарном регулировании оборота крупного финансового капитала (капитальных денег) в рамках стратегического циклического времени T ($T = 2\pi$). Валютно-финансовый банк, к которому близок по своим функциям нынешний Центральный банк, должен по-прежнему регулировать текущие денежные обороты, включая госбюджет. Это - Банк денежного капитала в отличие от Инвестиционного банка, укорененного в пространстве крупных программных стратегических инвестиций в качестве основного субъекта долгосрочного инвестиционного кредитования. Наконец, Региональный банк должен регулировать сферу коммерческих средних и мелких региональных банков с тем, чтобы обособить оборот дохода и товарных денег от оборота капитальных денег.

Высшей точкой развития рынка микроэкономики (экономики фирмы, по Кейнсу) был универсальный коммерческий банк, именно из него вырос Центральный банк, в котором интегрировались все денежные потоки и устанавливался валютный курс национальных денег. Это позволило снять границы между кругооборотами фаз воспроизводства ВВП ($D - T - P - T^1 - D^1$), благодаря этому включить в общий денежный поток все формы ликвидности и тем самым превратить производственные активы в финансовые, обеспечив максимально доступную рынку свободной конкуренции мобильность капитала. Сам капитал как объект частной собственности утвердился в форме активов, превратив имущественные отношения собственности во вспомогательную контрольную функцию. Однако не в этом заключалась конечная, пограничная позиция Центробанка, превратившая микроэкономику в макроэкономику. Главное состояло в тенденции к выравниванию доходности активов (каждого рубля активов), тенденции, которая проистекала из свободной метаморфозы всех форм ликвидности друг в друга. На этой платформе Хикс построил свою теорию денег. Однако именно этот момент, очень важный с точки зрения возможности экономики мобилизовать все факторы эффективности и экономического роста, проложил пропасть между стратегическим уровнем рынка макроэкономики и текущим уровнем рынка микроэкономики,

В социально-экономическом плане взаимная метаморфоза всех форм ликвидности означает, что вектор развития макроэкономики, с одной стороны, направлен на усиление адаптации хозяйствующего субъекта к объекту. Именно этот момент фиксируется в приоритете менеджера над собственником. С другой стороны, необходима адаптация объекта к субъекту. Что нужно

для того, чтобы стало возможным развитие в обратном направлении - адаптация объекта к субъекту и, в конечном счете, воцарение современной синергетической экономики на базе внедрения в рынок законов симметрии (объектно-субъектной, субъектно-объектной, синергетической схемы экономики в целом)? Для этого рынок макроэкономики должен обеспечить спецификацию денежных оборотов, а значит, вернуть в структуру рыночных оборотов форму кругооборота капитала с поправкой на то, что это кругооборот макроуровня и что он предполагает развитую систему оборотов.

Такой возврат предполагает, во-первых, формирование трехуровневого Банка, о чем речь шла выше. Во-вторых, возникает необходимость освоения макроэкономикой более сложного критерия, чем это доступно микроэкономике. Он должен обуславливать не только приращение эффективности активов и, как следствие, капитала, но и накопление капитала, его концентрацию и централизацию (приращение количества собственности), причем как нормализованного процесса, имеющего свой стабильный воспроизводственный механизм.

Такой механизм существует, хотя еще частично. Он развивается из процесса корпоративизации и формирования массовых фондовых рынков и получит свое полное воплощение в БКЦ. Именно в нем кругооборот капитала закрепляется как особая фазовая форма оборота — со своей специфической системой субъектов, критериев, временем прохождения фазы, своей банковской системой, своей специфической функцией в структуре БКЦ. Кругооборот капитала способствует отделению рынка пассивных операций (приращения собственности) от рынка активных операций (приращения эффективности активов). Расщепление рынков решает проблему капитала (точнее, накопления капитала) как рыночного стратегического базиса. Таким образом становится рынок пассивных операций и берущая в нем начало циклическая иерархия рынков.

Одно важное замечание. Банковская система в триединстве рассмотренных банков создает рыночный остов макроэкономики. Свои опорные точки он получает в соединении стратегического кругооборота и оборота капитала так же, как в микроэкономике, но там банк выявлял и удерживал опорные точки единства кругооборота и оборота ВВП. Именно поэтому там был достаточным двухуровневый Банк, а здесь формируется трехуровневый Банк, способный продуцировать систему капитальных, доходных и товарных денег.

При всем положительном значении традиционных рыночных регуляторов, в первую очередь, банковской системы и системы конкурентных механизмов саморегулирования рынков, в синергетической экономике появляется новый механизм рыночного саморегулирования. Таковым является само устройство воспроизводственной синергетической модели в рамках БКЦ.

Во-первых, параметры и переменные воспроизводственной модели ставят заслон серьезным сбоям рыночного функционирования в виде рисков смены экономических режимов. Так, отход от периодичности стратегического экономического времени (T) и бифуркационной цикличности с удвоением периода ($1T - 2T - 4T - 8T$) грозит разрушением социально-экономических принципов внутренней конвергенции между капиталом и государством. Кроме нарушения социальных механизмов взаимодействия, обществу грозит разрушение последовательно интенсивного типа развития, нарастание противоречий между крупным капиталом и государством. Речь идет именно в этом смысле о разрушении механизма внутренней конвергенции.

Нарушение единства внутри системы параметров (капитальный коэффициент, предельная эффективность капитала, банковский процент, предельная склонность к потреблению) грозит потерей возможности выбора типов экономического роста (интенсивный, интенсивно-экстенсивный, экстенсивно-интенсивный, диверсифицированный экстенсивный). В этом случае экономике грозит вхождение в режим псевдо-экстенсивного типа: падающий темп, нарастающая капиталоемкость производства ВВП, дефицит инвестиций и труда.

Во-вторых, экономическая синергетика не знает чисто спонтанных процессов. Неопределенность здесь всегда имеет две стороны - стихийную (точнее, ситуационную) и ложные идеи в общественном сознании. Поэтому нарушения как объектно-субъектной, так и субъектно-объектной симметрии ведут к подрыву единства массового общественного сознания и экономики как социальной коммуникативной практики. В этом случае общество может оказаться перед угрозой разрушения своего социального модуля. Это уже не только экономический, не только социально-экономический, но и социальный кризис. Опираясь на механизмы наложения общественного сознания на экономические механизмы (такие возможности имеет ССЭ, отсюда вытекает свойственная синергетической экономике тенденция к упрочению и стабильности), общество способно противостоять указанным рискам.

Обратимся теперь к проблеме причинности, высшей причинности, связанной с категорией Бытия, и ее значения в социальной практике. Не грозит ли обществу утрата Бытия и тем самым каузальности? Этот вопрос проходит красной нитью через творчество одного из ведущих наших философов П.П. Гайденко. Она рассматривает преимущественно аспект соотношения религиозности и атеизма. Избыток свободы, который привнес в мир атеизм, способен привести к экономическому и политическому экстремизму, в конечном счете - к социальному хаосу. По нашему мнению, аргументы, которые приводятся в работах указанного автора, очень серьезны и глубоки. О разрушительной роли атеистического сознания свидетельствуют не только идеи, пронизывающие пролетарскую культуру, но и сама практика социализма, идеология которого была последовательно и даже агрессивно атеистической (материалистической). В одной из своих статей П.П. Гайденко дает интересную формулировку следствий отрицания Бытия; "Тут налицо ненависть к бытию, принимающая формы отрицания существующего общества во имя утопии"²⁰⁸. Не будем вдаваться в детальный разбор позиции Гайденко, хотя здесь есть и с чем поспорить. Например, противопоставление общечеловеческих и классовых ценностей, классовой идеологии и объективной истины, на наш взгляд, грешит упрощением. Однако в работах цитируемого автора главной является сама проблема Бытия как носителя общего закона и основания каузальности и постановка вопроса о необходимости сознательной научной и политической защиты Бытия как позитивного начала человеческой деятельности.

Не заключена ли угроза Бытию и, соответственно, каузальности и в нашей работе, ведь мы вводим неопределенность в святая святых каузальности? Основные категории предложенной читателю монографии прямо включают или предполагают неопределенность. Назовем некоторые из этих категорий. Системный объект и системный субъект экономики, построенные и взаимодействующие на принципах симметрии (ОСС ↔ СОС). Само строение экономики как единства устойчивого экономического ядра и широкого социально-исторического контекста (синергетическая схема экономики). Воспроизводственная модель экономики, которая непосредственно использует неопределенность - рыночную экспансию, пороговые точки, смену параметров - в качестве механизма экономического роста. Соединение

---

²⁰⁸ Гайденко П.П. "Вехи": неслышанное предостережение // Вопр. философии. 1992. № 2. С. 113.

механизмов экономического взаимодействия и формирования общественного сознания. Объединение Западного и Восточного христианства вместе с их логическими парадигмами, восходящими, с одной стороны, к последовательности "Бог - Бытие - Человек" и, с другой стороны, к последовательности "Бог - Человек - Бытие". Привнесение в идеологию российской рыночной трансформации философии коммуникативной практики (социальный карнавальный модуль).

Выход из данного методологического затруднения есть. Это - возвращение в христианское общество религиозного самосознания. На это нацелена идея цивилизационной инфраструктуры индивидуального существования в либеральном обществе (рынок - государство - церковь - индивид), а в рамках массового взаимодействия - идея социального карнавального модуля. Спросим себя, разве карнавальная природа первичной социальности совместима с возрождением религиозного самосознания? Если обратиться к истории, то нетрудно заметить, что внедрение в общество в качестве социального модуля фабрики потеснило значение церкви и привело, в конечном счете, к соединению гуманизма с атеизмом и материализмом. Атеизм и материализм стали в XIX веке парадигмой массового общественного сознания. Социализм как идея вырос на почве соединения материализма и атеизма.

Когда мы говорим о карнавальном характере социального модуля нарождающегося либерального общества, то имеем в виду формулу: высокий психологический тонус + высокая степень игровой природы интеллекта + социальная мобильность индивида + внутренняя большая дистанция между иррациональным интимным духовным существованием и внешним рациональным существованием. Последнее означает, что либеральный человек в карнавальности получает социальную маску, добровольную, легко снимаемую, которая защищает индивидуальную духовность и духовный поиск. И чем основательнее духовный поиск сопряжен с осознанием индивидуальной свободы, тем ближе человек к Богу и Божественному откровению, именно эту близость позволяет сохранять социальная маска.

Теперь, что касается Бытия, то общество не может застыть в рефлексии = овеществлении = адаптации. В рефлексию оно вносит цель и свободу. Однако это обстоятельство не покушается на философию Бытия. Человек ответственен перед Бытием, но также и перед Богом. Мера ответственности является обратной стороной свободы. Можно согласиться с П.П. Гайденко, которая, вслед за П. Струве, считает главной опасностью для будущего от-

существование идеи личной ответственности²⁰⁹. Полнота свободы предполагает ее реализуемость, а значит, включает и личную ответственность как форму действительной свободы.

Здесь есть одна сложность, которая нуждается в продолжении исследования. Речь идет об онтологических границах свободы. Такие границы отсутствуют, хотя степень освоения свободы, способности человека к свободе зависит от уровня исторического развития либерального общества. Мы находимся в самом начале пути. С точки зрения парадигмы, объединяющей Запад и Восток христианской цивилизации, имеется в виду разрешение следующего парадокса. Он состоит в объединении противоположно направленных связей: Бог → Бытие → Человек (западный вариант) и Бог → Человек → Бытие (восточный, православный вариант).

Собственно говоря, это варианты, с одной стороны, рационального сообщества и с другой - сообщества, объединенного любовью (соборность). Рациональная последовательность лежит в основе формирования системного объекта экономики (объектно-субъектной симметрии). Иррациональная последовательность (соборность) может быть логически развернута на экономическом уровне в системный субъект (субъектно-объектная симметрия).

Объединение последовательностей означает высшую меру свободы как возможности диалога Человека с Богом и, в связи с этим, возможности воздействия Человека на само Бытие, которое в данном случае включает неопределенность. Однако наличие системного единства между двумя вариантами предполагает существование коррекции человеческого выбора со стороны Бытия. Чтобы влиять свободно на Бытие, Человек должен быть так же необходимо включен в Бытие, как и держать дистанцию между Бытием и собой. Такая система должна пульсировать. Аналогичным образом взаимодействуют системный объект и системный субъект внутри синергетической схемы экономики.

Конечно, мы оставляем много проблем невыясненными, сосредоточив внимание на главном - содержании либерализма в экономике и обществе, его отношении к демократии. В развертывании синергетических свойств либеральной экономики мы увидели возможность экспансивного экономического роста, исходящего не из точки общего рыночного равновесия, а из точки

---

²⁰⁹ Там же. С. 122.

соединения стратегии и текущего среза рыночной макроэкономики. В понятиях ССЭ, БКЦ, синергетической модели экономического роста, стратегии самоорганизации рыночной макроэкономики, либерального социального модуля заключены, на наш взгляд, очень обнадеживающие перспективы развития экономики как единого способа жизни общества в целом, а не его отдельных, социально мало похожих друг на друга страт.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БКЦ	- большой кондратьевский цикл
БЭ	- бюджетная экономика
ВБ, МБ	- Всемирный (Мировой) банк
ВВП	- валовой внутренний продукт
ДК	- денежный капитал
ЕДИС	- единая денежная инвестиционная система
ИП	- информационный потенциал
КОП	- конечный общественный продукт
МК	- модель Кейнса
МОБ	- межотраслевой баланс
МСБ	- малый и средний бизнес
НД	- национальный доход
ОПФ	- основные производственные фонды
ОРР, ОЭР	- общее рыночное (экономическое) равновесие
ОСС	- объектно-субъектная симметрия
ОЭСР	- Организация экономического сотрудничества и развития
ОЭТ	- общая экономическая теория (economics, mainstream)
РДС	- рыночный динамический потенциал
РК	- реальный (производительный) капитал
РСК	- рынок свободной конкуренции
СОП	- совокупный общественный продукт
СОС	- субъектно-объектная симметрия
ССЭ	- синергетическая схема экономики
СПП	- социальный трансформационный потенциал
ТНК	- транснациональная корпорация
ФК	- финансовый капитал